

СОДЕРЖАНИЕ

Справка об исследовательском проекте	7
Введение	9
Часть I. Повседневный патриотизм	
Глава 1. Патриотизм снизу и патриотизм сверху: поддержать нацию или государственный проект для нации	34
Основные типы и их распространенность	38
Негосударственный патриотизм	43
Государственный патриотизм	48
Не-патриоты	57
Отстраненный патриотизм	58
Локальный патриотизм: гордость, антиколониализм, отчаяние	59
Глава 2. Запросы к государству	68
Вывод: гражданский характер патриотизма и политика перераспределения	80
Глава 3. Социально-критический патриотизм	81
Государственный патриотизм в законодательных актах	82
Государственный патриотизм в версии Владимира Путина	84
Государственный патриотизм как канал политизации	85
Социальное неравенство	88
Социально-критический патриотизм	95
К истокам социально-критического чувства	98
Морально-интеллектуальная критика	101
Вывод: потенциал социальных изменений	105
Глава 4. Связь между патриотизмом и социальным положением	107
Связь между патриотизмом, ощущением собственной социальной позиции и социальной траекторией	108
Связь между патриотизмом и социально-демографическими характеристиками: пол, возраст, образование, профессия	112
Чувство социальной идентификации	115
Вывод: удовлетворенные жизнью идеалисты vs социально ущемленные прагматики	118

Глава 5. Ксенофобия и межнациональные отношения	120
Различные типы отношения к приезжим	
или иным национальностям	123
Ослабление ксенофобии	126
Региональные отличия	128
Отдельный случай Татарстана	132
Часть II. Активистский патриотизм	
Глава 1. Молодежные патриотические клубы	
и «прокремлевские» националистические движения	148
Глава 2. Либеральный национализм:	
русские националистические клубы (<i>Мария Кочкина</i>)	153
Спутник и Погром	154
Русское клубное движение	163
Участники клуба	171
Выводы	186
Глава 3. Группа {родина}: радикальная	
рефлексия патриотизма (<i>Ксения Брашловская</i>)	190
От любви к Родине к смерти Родины.	191
Деконструкция национализма	
и художественная критика {родины}	205
Глава 4. Левый прогрессивный патриотизм	
(<i>Кирилл Медведев, Олег Журавлев</i>)	213
Рост патриотизма	214
Несбыточные надежды космополитизма	214
Кризис идеологии и патриотическая «конкретика»	215
Патриотизм в России: власть и оппозиция	216
Патриотизм и активизм: что делать?	220
Заключение (актуализированное в феврале 2021 года) . . .	226

Введение

В ходе недавнего Кубка мира по футболу многие иностранные болельщики, приехавшие в Россию, с удивлением обнаружили, что «русские» не такие уж ксенофобы. Россияне же,—по крайней мере в тех городах, где проходили матчи,—увидели дружелюбных иностранцев. За российскую команду в стране болели очень многие, и гордость за «наших ребят», которые «так стараются», была общей. Без эксцессов не обошлось, но они случаются везде, где проходят такого рода мероприятия. Авторы исследований о повседневном патриотизме часто отмечают, что футбол, народный и довольно демократичный вид спорта, несет существенную эмоциональную нагрузку и способствует сплочению наций. Кроме того, правительства всех стран пытаются использовать футбол (и другие популярные виды спорта) как средство повышения лояльности к власти и дополнительный источник легитимности¹. Футбольная или иная спортивная победа представляет собой исключительный случай: обычные люди без всякого принуждения размахивают флагами и поют национальный гимн. Спортивное соревнование дает людям во власти хороший повод продемонстрировать, что они—часть народа, такие же, как все, и вместе со всеми болеют за национальную сборную. Россия не исключение: как и в других странах, Мундиаль здесь стал демонстрацией патриотического единения и гордости за свою страну.

Мы начинаем разговор с Чемпионата мира по футболу 2018 года не только потому, что это событие недавнее, но и потому, что такие события важны для строительства нации.

¹ Billig M. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications, 1995.

В России этот процесс все еще не завершен, а если и завершен, то не всецело, в меньшей степени, нежели для состоявшихся наций старой Европы или даже для США, где представление о нации (или, можно сказать, национальное чувство) укоренено настолько, что оно редко обсуждается или отмечается специально, будучи как бы само собой разумеющимся.

Именно поэтому важно понять, как люди в современной России относятся к своей стране и можно ли применительно к России говорить о развитии чувства принадлежности к нации. Национализм, при всем своем значительном негативном потенциале, концептуально и исторически остается связанным с демократией. Народ, которому теоретически принадлежит власть в демократической политии, исторически принимает образ нации, поскольку именно нация позволяет определить и границы демократии, и ее политический субъект. Да, сегодня обсуждается проблематика глобального гражданства, существуют и международные институты, претендующие на роль глобальных регуляторов, но едва ли кто-нибудь всерьез воспринимает мировое правительство в качестве сколько-нибудь близкой политической перспективы. Недавние прогнозы грядущего исчезновения наций не оправдались. Напротив, мы наблюдаем сегодня возрождение их роли и смещение фокуса внимания с глобального на национальный уровень. Об этом свидетельствует не только успех правонационалистических правительств или сворачивание альтерглобалистского движения, но и неодобрительная реакция людей на расходование государственных средств в пользу беженцев, мигрантов или для помощи другим странам — и в ущерб собственному населению. В условиях глобального экономического кризиса и растущего неравенства люди все более чувствительно относятся к привилегиям, обусловленным гражданской принадлежностью к нации.

В этом контексте то, что происходит в России, никак не является исключением: если чувство принадлежности к нации и крепнет, то процесс этот является частью мирового тренда. Почему же тогда в мировых СМИ и научной литературе получило широкое распространение представление о россиянах как об особенно ярых националистах, шовинистах или империалистах? Не потому ли, что громкие выступления главы государства

о возрождении величия России отождествляются с позицией всех россиян? В то время как слова и дела Трампа не распространяются на всех американцев, о россиянах принято думать, что они целиком или в подавляющем большинстве солидарны с Путиным и его националистической политикой. На это можно возразить, что в США проходили и проходят крупные демонстрации против политики Трампа. Безусловно, в России крупных протестов подобного рода меньше, однако и это не доказывает полную народную поддержку национальной политики Путина. Возможно, здесь играет роль не принципиальная позиция, а различия в культуре протеста — в России гораздо меньше верят в эффективность масштабных протестов или даже коллективных действий. Кроме того, в России отсутствует представление о прямой связи между образом нации и демократией, в отличие, скажем, от США, Франции или других стран, где обязанность достойного гражданина (члена нации) участвовать в политике является самоочевидной.

Как россияне мыслят себе Россию, что она для них такое? Ответить на этот вопрос не так легко. В нынешнем своем виде страна сформировалась недавно, в результате потери многих территорий, а с ними и прежнего образа нации. Распавшись мгновенно и помимо воли россиян, Советский Союз оставил за собой идеологическую пустоту и не успевшую сформироваться советскую нацию. Не слишком способствовали возникновению чувства нации и девяностые годы, принесшие с собой разруху, экономический коллапс и обнищание большинства населения. Кроме того, Россия как раз возникла одновременно с доминированием прозападной идеологии и осознанием лишения и потери. Люди до сих пор в интервью воспоминают девяностые как период национального унижения и стыда.

В начале постсоветского периода российская политическая элита не уделяла особого внимания формированию национального единства и культивированию патриотических чувств, предпочитая западническую риторику. Однако октябрь 1993 года показал, что общество способно на сопротивление, и поиск «национальной идеи» вскоре стал лейтмотивом общественной и академической дискуссии. Российское руководство пыталось поначалу сформировать в обществе представление

о гражданской нации, но особой поддержки не встретило. В целом же в России уровень патриотизма, то есть привязанности к нации и гордости за страну, долго оставался весьма низким, особенно в сравнении с другими странами¹. Потеря родины—СССР,—в рамках которой происходила социализация россиян, крушение привычного биполярного мира, резкое падение уровня жизни и демографический кризис девяностых,—все это оказалось национальной травмой², которая приучила их скорее стыдиться своей страны, чем гордиться ею³.

Играя на чувстве национального унижения, политика развития патриотизма, развернутая при президентстве Путина, стремится к достижению национального единения, понимаемого как укрепление государства, возвеличивание славного прошлого и великой культуры⁴. В рамках политики укрепления патриотизма выдвигаются также лозунги восстановления национального суверенитета России, борьбы против вмешательства иностранных государств, в первую очередь западных. Присоединение Крыма в 2014 году, увенчавшее эту политику, было массово поддержано населением России, которое нашло в этом акте повод для национальной гордости.

Всплеск патриотизма, последовавший за присоединением Крыма, отмечается всеми опросами общественного мнения⁵. Возможно, люди восприняли это событие в качестве ясного

¹ Магун А., Магун В. Связь со страной и гордость за ее достижения (Российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 32–44.

² Oushakine S. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

³ Magun V., Fabrykant M. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective // Dynamics of National Identity. London: Routledge, 2016. P. 83–112.

⁴ Laruelle M. In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. New York: Palgrave McMillan, 2009.

⁵ ФОМ: Патриотизм: динамика мнений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/13261> (дата обращения 23 марта 2017); ВЦИОМ: Уровень патриотических чувств в обществе достиг максимума за последние 18 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (дата обращения 9 июня 2018); Левада-Центр: Чем горды россияне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/12/26/chem-gordy-rossiyane/> (дата обращения 26 декабря 2017).

сигнала о том, что Кремль прекратил подчиняться Западу и способен теперь выстоять перед его давлением.

Но в чем суть вновь возникшего патриотизма? Это ксенофобский великорусский национализм или национализм, направленный на консолидацию формирующейся нации? Это национализм поддержки национального лидера или множественные национализмы с различными значениями? Наше исследование демонстрирует связь, существующую между ростом патриотизма и развитием политизаций, не сводящейся, однако, к «объединению вокруг лидера», как о том пишут Михаил Алексеев и Генри Хейл¹. Образ объединения вокруг национального лидера возникает из результатов социологических опросов, свидетельствующих одновременно о высоком рейтинге главы государства и о высоком уровне патриотизма. Качественные методы, более чуткие к оттенкам того, что респонденты говорят и делают, демонстрируют множественность смыслов, вкладываемых людьми в свое чувство патриотизма, а также то, как по-разному воспринимают они государственный патриотический проект².

Наше исследование, в фокусе которого люди в конкретных ситуациях с конкретным жизненным опытом, опровергает однозначное отождествление патриотизма с поддержкой главы государства. Даже если, с одной стороны, патриотическое чувство широко распространено, а с другой—широко (хотя бы и абстрактно, «вообще») поддерживается патриотический проект руководства страны, это не свидетельствует о том, что патриотизм сводится к лояльности В. Путину. Существует намного больше различных вариантов восприятия смысла того, чтобы быть россиянином или русским и жить в России. Лишь очень редко люди

¹ Alexeev M., Hale H. Rallying 'Round the Leader More than the Flag: Changes in Russian Nationalist Public Opinion 2013–2014 // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism* / Eds. Kolstø P., Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 192–220.

² Daucé F., Laruelle M., Le Huérou A., Rousselet K. Introduction: What Does It Mean to Be a Patriot? // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. № 1. P. 1–7; Goode P. Official and Everyday Patriotism in Putin's Russia // *Everyday Nationhood: Theorising Culture, Identity and Belonging after Banal Nationalism* / Eds. Skey M., Antonsich M. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2017; Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., et al. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

в процессе интервью ассоциируют любовь к родине с неуклонной поддержкой главы государства или его политического курса.

Доказанное наличие различных версий патриотизма, отличающихся от предлагаемой в рамках кремлевского проекта, — один из основных результатов нашего исследования. Это отнюдь не означает, что большинство людей осуждают роль государства в укреплении национального единства. Критике подвергаются скорее определенные перегибы политики развития патриотизма, но мало кто ставит при этом под вопрос саму необходимость укрепления национального чувства. Интервью показывают явное стремление к общности и к соотнесению себя с чем-то общим, большим, но тем не менее эмоционально близким. Можно предположить, что мы имеем дело с реакцией на два десятилетия, в течение которых преобладающими были процессы разрушения устоявшихся социальных связей и, соответственно, атомизации российского общества. Теперь люди нуждаются в том, чтобы не чувствовать себя одинокими и брошенными на произвол судьбы. Нуждаются в ощущении общности с другими. Жажду быть причастным к такой большой общности наглядно демонстрируют массовые движения, например «Бессмертный полк», и массовые переживания, например, за игру национальной сборной.

Иными словами, развитие патриотизма, в кремлевском ли варианте или в каком-либо ином, отвечает стремлению к солидарности, исходящему снизу. Так мы подходим к настоящему предмету этого исследования, которым является не национальная идентичность, не гордость за страну, а общенациональная солидарность. Такая трактовка патриотизма укладывается в традиционную социологическую теорию. Как пишет Рэндалл Коллинз¹, идеально-типически национализм может быть определен как сильно ощущаемые узы солидарности или по крайней мере жажды такого ощущения. Поэтому мы ставим себе цель понять через изучение российского патриотизма в том числе и то, формируются ли связи солидарности между людьми и преодолевается ли атомизация общества.

¹ Collins R. Time-bubbles of Nationalism: Dynamics of Solidarity Ritual in Lived Time // Nations and Nationalism. 2012. Vol. 18. № 3. P. 383–397.

Низовой патриотизм

Для того чтобы понять, формируются ли солидарные связи, насколько люди ощущают общность с другими людьми и в чем суть этой общности, мы изучаем низовой патриотизм. Важно отметить, что предметом нашего анализа не является патриотический дискурс или государственный патриотический проект. Не является непосредственным предметом нашего интереса и активистский или крайний национализм, хотя мы и рассматриваем его во второй части книги. Центральное место в нашем исследовании занимает именно низовой патриотизм, показывающий, каким образом люди, не принадлежащие к элитам, воспринимают свою страну и других ее жителей. Необходимость именно такого подхода к изучению патриотизма отмечал уже Эрик Хобсбаум. По его словам, «национальные феномены имеют... двойственный характер: во многом они конституируются „сверху“, и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним „снизу“, с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более националистическими по своей природе»¹. Именно такую цель мы и ставим перед собой: проверить, насколько нация или другая общность присутствует в мироощущении людей. При этом мы исходим из того предположения, что контуры или содержание понятия нации не являются исключительно результатом усилий, прикладываемых властными или иными элитами, и смыслы, вкладываемые самими людьми в понятие нации, могут расходиться с теми смыслами, которые элиты пытаются навязать им сверху.

Повседневный патриотизм

Литература, посвященная национализму и понятию нации, огромна. Существенная ее часть посвящена попыткам ответить на вопрос о том, почему в определенный исторический

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. С. 20.

момент национальная самоидентификация оказалась возможной в принципе. Но такие работы не объясняют, что конкретно чувствуют и думают «обычные люди» по поводу национализма. Наше исследование отчасти восполняет этот пробел, во всяком случае в том, что касается современной России.

Стоит сразу уточнить, что по-русски мы используем термин «патриотизм», хотя, скажем, в английском языке более распространен другой термин — «национализм» (nationalism). В отличие от русского, английский «национализм» не означает исключительно шовинистское чувство превосходства своей нации, а указывает скорее на стремление соотнести себя с определенной культурной и политической общностью¹, означая, иными словами, *стремление к созданию нации*. Исторически формой совпадения культурной и политической общностей является государство, в рамках которого члены нации приобретают возможность самоуправления.

В современном мире есть состоявшиеся нации, нации в процессе создания (национального строительства) и национальные группы, стремящиеся к созданию собственного государства или другой формы политической автономии. Многие ученые считают, что в нынешней России процесс национального строительства² еще не завершен.

Главную роль в процессе формирования и укрепления нации играют заинтересованные в этом политические, интеллектуальные и экономические элиты. Прочная нация обеспечивает лояльность граждан по отношению к политической власти. Однако процесс строительства нации не может происходить только «сверху», без встречного импульса, исходящего «снизу», от общества. В рамках такого низового движения люди могут формировать различные образы нации, то есть широкой группы, к отождествлению с которой они стремятся. И эти образы

¹ Хобсбаум Э. Указ. соч.; Геллер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

² Kolsto P., Blakkisrud H. (eds.). Nation-building and Common Values in Russia. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005; Tolz V. Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post-Communist Russia // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 6. P. 993–1022; Laruelle M. (ed.). Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia. London: Routledge, 2009.

могут отличаться от тех, что спускаются элитами «сверху вниз». Поэтому еще одна цель нашего исследования — определить, как соотносятся образы, предложенные элитами (в России это в основном кремлевский проект), и встречные образы, выдвигаемые людьми «снизу».

Для нашей попытки описать «низовой» патриотизм важно определить, на что следует обращать особое внимание. *A priori* этого рода патриотизм свойствен людям, которые не стремятся транслировать свое видение нации другим, пропагандировать его. Это патриотизм не риторический и не являющийся политическим проектом. Речь идет о патриотизме, который скорее обнаруживается на уровне чувств и эмоций, в практиках и *неформальных* разговорах. О патриотизме, не живущем и развивающемся в отрыве от обыденного существования, а, напротив, глубоко укорененном в опыте повседневности. Именно этот патриотизм становится в последнее время объектом внимания все большего числа исследователей, которые говорят о нем как о «повседневном патриотизме/национализме» (*everyday nationalism*). Изучая его, мы изучаем то, как нация ощущается и воспринимается в неразрывной связи с каждодневным человеческим опытом.

Смысл изучения повседневного патриотизма состоит в том, чтобы проверить, насколько национальная перспектива релевантна для мировоззрения тех или иных людей; понять, какие (различные) смыслы могут вкладываться людьми с различным жизненным опытом и жизненными траекториями в идею нации. Стоит отметить, что концепция повседневного патриотизма/национализма отличается от внешне схожей с ней концепции «банального» национализма, предложенной Майклом Биллигом¹, чтобы обозначить неосознанный национализм, который воспроизводится в повседневной рутине посредством знаков и символов (простейший пример — национальный флаг), ежедневно напоминающих населению о нации, к которой оно принадлежит, и укрепляющих «национальный габитус»². Концепция

¹ Billig M. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications, 1995.

² Martigny V. Penser le nationalisme ordinaire // *Raisons politiques*. 2010. Vol. 37. № 1. P. 6.

«банального» национализма неприменима (или по крайней мере не полностью применима) к случаю России, где нация не может считаться вполне состоявшейся, а основным предметом интереса для Биллига являются именно нации состоявшиеся. Концепция повседневного национализма/патриотизма, рассматривающая манифестации национализма (понимаемого как ощущение общности с нацией) в мире повседневного опыта, подходит для нашего случая гораздо лучше.

Такой национализм, обозначаемый, повторимся, термином «everyday nationalism», все чаще становится предметом изучения в англосаксонской науке¹. Это тот тип национализма, который обычные люди либо выражают словесно в ходе повседневных социальных взаимодействий, либо демонстрируют в своих повседневных же практиках. Такой национализм наполняет чувство национальной принадлежности различными смыслами, которые совершенно не обязательно совпадают, а порой идут вразрез с теми, что вкладываются в дискурс о нации правящими политическими либо главенствующими интеллектуальными элитами. Как мы уже отмечали выше, изучение национализма/патриотизма позволяет нам проследить пути развития солидарности. Виды и контуры этой солидарности, однако, также могут быть весьма разнообразными и совсем не обязательно подразумевают или включают в себя лояльность правящим элитам.

Патриотизм и национализм

Выше мы уже говорили о том, что в этой книге по преимуществу используется термин «патриотизм», а не «национализм». Связано это с нашим желанием избежать оценочности, неизбежно порождаемой негативными коннотациями второго термина в современном русском. Напомним тем не менее, что,

¹ Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., et al. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton: Princeton University Press, 2006; Goode P., Stroup D. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses // Social Science Quarterly. 2015. 96 (3). P. 717–739; Fox J. Everyday Nationhood // Ethnicities. 2008. 8 (4). P. 536–563; Mann R., Fenton S. The Personal Contexts of National Sentiments // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2008. Vol. 35. № 4. P. 517–534.

вообще говоря, «национализм» — термин более строгий и гораздо шире распространенный в научной литературе.

Некоторые социологи специально отмечают различия между двумя этими понятиями. Так, Джеймс Бейкер¹, чье исследование было посвящено патриотизму жителей Ньюфаундленда, полагает, что патриотизм подразумевает чувство привязанности к родине/стране как к месту и к людям, его населяющим. Национализм же понимает страну как государство, политику, а не как географический локус. Мы здесь будем в большинстве случаев считать эти термины взаимозаменяемыми и употреблять их как синонимы.

Русско-российский патриотизм

Остается уточнить, что это исследование посвящено главным образом русскому национализму, то есть патриотизму этнических русских, проживающих в России. Такой выбор продиктован двумя основными причинами. Во-первых, внимание исследователей чаще привлекал национализм меньшинств (татарский, например), поскольку такому национализму априори приписывался освободительный потенциал в отношении к большинству, «государствообразующей нации». Национализм же русский оказался изучен хуже². Во-вторых, чаще всего исследователи русского национализма рассматривали его, уделяя основное внимание либо радикальным группам («Русские пробежки», Движение против нелегальной иммиграции, скинхеды, etc.), либо идеологиям. В последнем случае основными объектами внимания исследователей оказывались евразийство, империализм (русский или советский) или, как в последнее время, тренд, связанный с национал-демократией³. Мы в этом исследовании, напротив, стараемся основное внимание уделять не слишком идеологизи-

¹ Baker J. As Loved Our Fathers: The Strength of Patriotism among Young Newfoundlanders // National Identities. 2012. Vol. 14. № 4. P. 367–386.

² Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et contra. 2014. № 1–2. С. 54–72.

³ Паин Э., Постаков С. Многоликий русский национализм. Идеино-политические разновидности (2010–2014 гг.) // Полис: Политические исследования. 2014. № 4. С. 96–113.

рованному и, по сравнению с национал-радикализмом, гораздо шире распространенному *национальному чувству*. Задача его идентификации и сколько-нибудь подробного описания уже и сама по себе довольно сложна.

Еще сложнее она оказывается, если учесть, что в нашу выборку попали далеко не только этнические русские. Так, в Татарстане половина респондентов были татарами, а в других регионах среди респондентов оказывались люди самых разных национальностей. Еще существеннее то, что в ходе интервью люди редко говорили о себе как об этнических русских, по крайней мере без уточняющего вопроса, который не всегда можно было прямо задать: в ряде случаев это нарушило бы естественный ход разговора. Вместе с тем следует отметить, что, если человек сам, по своей инициативе не обозначает себя как этнически русского, чаще всего оказывается, что эта категория идентичности для него не слишком релевантна. Те, кому уточняющий вопрос все же был задан, чаще всего давали один из двух вариантов ответов. В первом варианте ответ сводился к тому, что это не имеет значения, а во втором варианте респондент соглашался с тем, что, возможно, является этническим русским, но отмечал присутствие, наряду с «русскими», и «других национальностей».

Вообще, в ходе исследования довольно быстро обнаружилось, что слово «русский» редко означает этническую принадлежность. Чаще всего респонденты использовали слова «русские» и «россияне» вперемешку, не разграничивая их. Термин «россияне», предложенный Ельциным для обозначения всех граждан Российской Федерации, не укоренился: большинство респондентов, желая обозначить совокупность жителей России, разделяющих общие культурные традиции, использует именно слово «русские». Более того, нередки случаи, когда респонденты другой национальности обозначают себя как «русских», имея при этом в виду принадлежность как к политической единице (Российская Федерация), так и к культурной общности.

Мы, таким образом, изучаем русско-российский патриотизм, то есть национализм/патриотизм, с которым может соотнестись каждый житель России, вне зависимости от национальности. Россияне — слишком абстрактная, формальная и политическая

категория, не вызывающая у людей живой эмоции. «Россиячество» вряд ли может стать основой для возникновения патриотизма или привязанности к родине. «Русскость», будучи категорией более укорененной в повседневной жизни, напротив, имеет соответствующий потенциал. И потому объект нашего исследования, по-видимому, можно обозначить как *русский российский патриотизм*.

Главные вопросы

Материалы, полученные по итогам полевого исследования, позволяют дать ответ на целый ряд вопросов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Патриотизм как расширение социального воображения

Мы ставили своей целью понять, насколько патриотизм укоренен в повседневной жизни, то есть насколько человек живет не только своей ближайшей средой, не только в узком кругу «своих», — именно так социологи описывали атомизированное постсоветское общество¹. Как мы уже говорили, слом привычной политической и социально-экономической системы эпохи распада СССР ознаменовался разрушением социальных связей и привычных жизненных координат. Люди стремительно уходили в частную и домашнюю сферу, полагаясь при этом только на себя и своих близких. Для большинства постсоветских людей пошатнулись самые базовые представления об окружающем мире, не говоря уже об обществе. Если патриотизм не является только словесной оболочкой, приукрашивающей действительность, а занимает то или иное место в повседневной жизни, это должно приводить в том числе к восстановлению социальных связей и к возникновению чувства общности с людьми, не только принадлежащими к группе «своих». Иными словами, рост

¹ Хлопин А. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 1. С. 7–27; Олейник А. «Малое» общество: теоретическая модель и эмпирические иллюстрации // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Т. 13. № 1. С. 49–90.

такого патриотизма мог бы сопровождаться открытием границ воображения: когда человек не только постоянно смотрит вниз, чтобы не спотыкаться, но и поднимает взгляд от земли и видит горизонт. Расширение границ социального воображения происходит тогда, когда вместо «своих» возникает группа «мы», включающая в себя в том числе отдаленных друг от друга людей. Известна и теоретическая модель патриотизма, уделяющая воображению максимальное внимание. Это модель Бенедикта Андерсона, центральной концепцией которой являются так называемые «воображаемые сообщества»¹.

«Ура-патриотизм» или альтернативные варианты патриотизма

Вторая цель исследования заключалась в том, чтобы понять, насколько люди поддерживают ту версию патриотизма, которая транслируется правящей элитой через СМИ и различные институты социализации, в первую очередь через школу. Позиция, преобладающая сегодня как в академической литературе, так и в публицистике, состоит в том, что люди зомбированы, слепо следуют пропаганде. Если это соответствует действительности, то большинство должно приветствовать противостояние с Западом, считать Россию особой страной со своими собственными «традиционными» ценностями и особой миссией, состоящей в защите этих ценностей от остального мира. Как уже, наверное, понятно из вышесказанного, оказалось, что это предположение неверно.

Забегая вперед, отметим сразу, что наиболее распространенный тип патриотизма — это патриотизм, настроенный критически либо в отношении государственной пропаганды патриотизма, либо даже в отношении политического курса в целом. Наиболее распространена социальная критика, то есть критика неравенства между бедными и богатыми, а также критика приватизации, в результате которой национальное достояние оказалось в руках узкого круга собственников.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. Здесь будет полезна и модель «воображаемого установления общества»: Castoriadis C. *L'institution imaginaire de la société*. Paris: Seuil, 1975.

Национализм и политизация

Национализм сопровождается политизацией в том смысле, что, ощущив себя полноценными членами национального общества и согласившись на проявление солидарности (хотя бы в виде оплаты налогов) с другими его членами, люди начинают дорожить своими правами и предъявлять государству претензии тогда, когда права эти не обеспечены. Предъявляются ли подобные претензии теми людьми, которые называют себя патриотами, или, напротив, они, как часто пишут о том либеральные комментаторы, воздерживаются от предъявления претензий государству ради его укрепления или стремясь продемонстрировать лояльность руководству страны? Снова забегая вперед, можно сказать, что короткий ответ на этот вопрос таков: предъявление претензий — самая распространенная позиция, с которой мы встречались в ходе исследования.

Нация, класс и гендер

Развитие патриотического чувства отнюдь не означает исчезновения других измерений социальной принадлежности. Напротив, ощущение общности с другими социальными группами, будь то класс¹ или гендер², может даже возрастать. Происходит ли это в России? Какие из тех социальных групп, с которыми люди могут отождествляться, наиболее значимы? Наконец, с каким типом патриотизма лучше уживается та или иная социальная идентификация?

С чувством патриотизма может быть связана социальная (классовая) позиция человека или же его социальная траектория. В научной литературе можно часто встретить предположения о том, что наиболее склонны к патриотизму (а особенно к его крайним вариантам вроде эксклюзивного этнического

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998; Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004.

² Гапова Е. Гендер и постсоветские нации: личное как политическое // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 309–328; Yuval-Davis N. Gender and Nation // Women, Ethnicity and Nationalism / Ed. R. Wilford. London: Routledge, 2004. P. 30–40.

национализма) люди с нисходящей социальной траекторией. Ученые объясняют это тем, что человек униженный, потерявший прежний статус, будет стараться «держать лицо», обвиняя в своем падении чужаков и пытаясь в то же время найти «своих», близких по какому-либо очевидному критерию (цвет кожи), то есть тех, с кем ему легко солидаризироваться. В основе подобного механизма, известного как ресентимент¹, находится фрустрация или ощущение потери контроля над своей жизнью. Скажем сразу, что наше исследование не подтверждает связи (по крайней мере очевидной) между русским национализмом и ресентиментом. Социальная траектория влияет на национальное чувство, но иначе.

Национализм и ксенофобия

Национализм, с одной стороны, и расизм или ксенофобия, с другой,—это разные явления, зачастую, однако, сопутствующие друг другу. Говоря о России, ученые часто ассоциируют русский национализм—во всяком случае «массовый»²—с ксенофобией³. Выводы подобного рода часто делаются на основе результатов социологических опросов. В этой книге мы, основываясь на результатах качественного исследования, оспариваем наличие в России такой связи между национализмом и ксенофобией.

Территориальные различия. Малая и большая родина

Огромные масштабы России приводят к большим региональным различиям по широкому кругу параметров. Насколько региональный фактор значим в таком вопросе, как национализм? Интуитивно ясно, что экономическое и политическое положение

¹ От англ. «resentment». Fenton S. Resentment, Class and Social Sentiments about the Nation: The Ethnic Majority in England // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. № 4. P. 465–483.

² Пайн Э., Простаков С. Многоликий русский национализм. Идейно-политические разновидности (2010–2014 гг.) // Полис: Политические исследования. 2014. № 4. С. 96–113.

³ Kolstø P. The Ethnification of Russian Nationalism // The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015 / Eds. Kolstø P., Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 18–45.

региона, так же как его географическое расположение, должны влиять и на отношение жителей этих территорий к России как к «большой Родине», и на то, какой именно смысл для них приобретает патриотизм. Для проверки данной гипотезы мы провели полевые исследования в различных регионах. Результаты подтверждают значение регионального фактора.

Помимо прочего, значение здесь имеет и масштаб общности, к которой люди чувствуют наибольшую привязанность,—это может быть местность (район, деревня, город), регион или страна в целом. Малая родина для многих людей традиционно значима, но политический аспект этой значимости выражен слабо. Привязанность к родной деревне или кварталу чаще несет не столько политический, сколько эмоциональный заряд, связанный с памятью о детстве. Открытым остается вопрос о том, как в привязанностях человека увязываются малая и большая родина.

Метод

Для правильной оценки выводов необходимо получить представление об использованном методе. Сразу уточним, что мы отказались от использования количественных методов, то есть опросов общественного мнения. У них есть свои достоинства, но в целом они измеряют распространенность абстрактных представлений или индивидуальных мнений в отрыве от повседневной жизни и социальных взаимодействий. Человек, отвечая на вопрос, над которым он в обычной жизни не задумывается, склонен воспроизводить уже известные ему (обычно из СМИ) варианты ответов. Иными словами, опросы выявляют доминирующие в обществе стереотипы, из них мы узнаем о том, «что люди думают о том, что думает большинство». Результаты опроса относительно патриотизма, полученные при помощи инструментария этого рода, представить себе нетрудно: люди-патриоты к Западу относятся настороженно, а Путина поддерживают. Выбранный нами для проведения исследования качественный метод позволяет увидеть картину в гораздо больших деталях и уйти при этом от стереотипов (которые, конечно, тоже влияют на социальную реальность).

Повседневный: интервью и этнография

Качественные методы, в том числе этнографический, необходимы для изучения повседневного патриотизма. В чем здесь смысл? Исследователи должны получить информацию о том, каково национальное чувство респондента, избегая при этом прямой постановки вопроса. Для этого были разработаны алгоритм и структура интервью, в основном состоящего из вопросов о повседневной жизни человека. Об отношении респондента к понятию нации мы узнавали, таким образом, только через его рассказ о том, как ему живется, например, «в период кризиса». Интервьюеры старались по возможности избегать прямых или косвенных сообщений о тематике интервью.

Этнографический метод наилучшим образом подходит для изучения повседневного патриотизма. Однако, будучи чрезвычайно затратным по времени и требовательным к степени личной вовлеченности исследователя, он не всегда применим в чистом виде. Мы старались, чтобы интервью напоминало, насколько это возможно, неформальную беседу. Очень удачными в этом отношении оказались интервью, взятые у знакомых. Мы также пытались завязывать беседы в позволяющих это «естественнных» ситуациях, — скажем, во время празднования Дня Победы или во время других общественных мероприятий.

Всего нами таким образом было собрано 237 интервью средней продолжительностью один час. Из этих наблюдений/бесед около 50 приходились на неформальные ситуации. Весь материал был расшифрован и кодирован. Кодирование происходило на основе выделения смысловых блоков, имевшихся (и повторявшихся) в интервью.

Региональная выборка

Для лучшего уяснения региональных различий мы провели полевое исследование в шести регионах и городах: Санкт-Петербург (95 интервью), Москва (26 интервью), Астрахань (41 интервью), Алтайский край (село, моногород Рубцовск, Барнаул и Бийск) (26 интервью), Казань (24 интервью) и Пермь (25 интервью).

Три города находятся в верхней части рейтинга регионов России по экономическому и социальному положению—Москва, Санкт-Петербург и Казань. Москва—мегаполис и столица России. Здесь сосредоточены все федеральные органы власти и большая часть финансовых активов. Здесь—наибольшее количество жителей и приезжих, а также высокий уровень неравенства. Санкт-Петербург многими воспринимается как культурная столица. Экономическое и финансовое положение здесь хуже, чем в Москве, но как город федерального значения Петербург получает федеральные деньги для осуществления крупных проектов. Казань—город, находящийся в нашей выборке на третьем месте по уровню экономического благополучия. Татарстан—один из немногих регионов-доноров (как и Санкт-Петербург, и Москва). По данным Росстата за 2016 год, экономика республики Татарстан—восьмая в Российской Федерации по объему валового регионального продукта, во многом благодаря добыче полезных ископаемых. Казань представляет единственную в нашей выборке национальную республику. По результатам переписи населения 2010 года татары составляют в республике большинство: 53,2% (против 39,7% русских). В Казани русских немного больше, чем татар (48,6% против 47,6%). Казань также является одной из самых многонациональных территорий России: в городе проживают представители свыше 115 национальностей.

Пермский край в нашей выборке занимает среднее место по уровню экономического и социального развития. Он находится на пятнадцатом месте в России по объему регионального валового внутреннего продукта. Уровень промышленного развития края довольно высок, ведется добыча нефти и газа. При этом Пермский край выпал недавно из числа регионов-доноров. По такому параметру, как медианная зарплата¹, регион занимает 27 место (медианная зарплата—23 600 рублей) и даже обгоняет по этому параметру Татарстан (22 700 рублей),

¹ Этот показатель наиболее точно отражает действительное положение дел: половина людей получает больше медианной зарплаты, половина—меньше. См.: РИА-Рейтинг: Рейтинг регионов по зарплатам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riarating.ru/regions/20171207/630078208.html> (дата обращения 12 декабря 2017).

35-е место), благодаря тому, что неравенство в оплате труда здесь ниже. По уровню средних доходов Пермский край находится в середине списка регионов РФ.

Два остальных региона, представленных в нашем исследовании, — из нижней части рейтинга регионов. Алтайский край (с традиционной тяжелой промышленностью и сельским хозяйством) занимает 36-е место по региональному валовому внутреннему продукту, а нефте- и газодобывающая Астраханская область, традиционная промышленность которой (судостроение, целлюлозно-бумажное производство, рыбоперерабатывающая промышленность) находится в глубочайшем кризисе, занимает по тому же параметру 48-е место. Вместе с тем по валовому продукту на душу населения Астраханская область занимает 44-е место, а Алтайский край — 72-е, оказываясь, таким образом, одним из самых депрессивных регионов России. По медианной зарплате у Астраханской области 40-е место (17 500 рублей), а у Алтайского края — 70-е (16 300 рублей). По данным РИА-рейтинга, в обоих регионах большое количество бедных, работающих за очень низкую зарплату: меньше 10 тысяч рублей в месяц получают 22,3% работающих в Астраханской области и 26,1% — в Алтайском крае¹. По данным Росстата, в 2017 году доля статистически бедных (тех, чей уровень дохода ниже прожиточного минимума) в Астраханской области составил 17,3%, а в Алтайском крае — 25,1% (средняя доля по РФ — 13,2%).

Астрахань — многонациональный город. По данным переписи 2010 года, национальный состав Астраханской области таков: русские — 67,6%, казахи — 16,3%, татары — 6,6%, украинцы — 1%. В Алтайском крае подавляющее большинство жителей — русские (93,9%); алтайцы и кумандинцы, малочисленный коренной народ Алтайского края, составляют всего лишь 0,07 и 0,06% соответственно.

По величине комплексного индекса социального благополучия, ежегодно рассчитываемого РИА на основании отношения денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора

¹ РИА-Рейтинг: Рейтинг регионов по зарплатам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riarating.ru/regions/20171207/630078208.html> (дата обращения 12 декабря 2017).

потребительских товаров и услуг, по итогам 2017 года¹ Москва, Санкт-Петербург и Татарстан также относятся к регионам-лидерам (3-е, 7-е и 8-е места соответственно), Пермский край (24-е место) находится на среднем уровне, а Алтайский край и Астраханская область занимают соответственно 60-е и 64-е места.

По уровню социального неравенства (в доходах) регионы примерно одинаковы (см. таблицу 1), хотя в Астраханской области и Алтайском крае неравенство чуть ниже. Проблема в том, что статистика не дает полную картину, поскольку в бедных регионах, скорее всего, сильнее выделяются не 20% наиболее богатых, а 1% самых богатых (статистические данные по которым отсутствуют в открытом доступе). Кроме того, для верного понимания картины необходимо учитывать не только уровень доходов, но и наличие других активов — финансовых и нефинансовых.

Снизу: разные срезы общества

Поскольку для нас важно было понять, как социальное происхождение влияет на представления о патриотизме, при выборе респондентов мы постарались разнообразить социальные среды. Нашей основной практической целью было выйти за рамки обычного круга общения ученого из Санкт-Петербурга. Наиболее полно эта задача была решена в Санкт-Петербурге, поскольку этот город был основным полем: здесь было собрано 95 интервью. Среди затронутых исследованием социально-профессиональных групп оказались рабочие (13 интервью), пенсионеры (14), ИТ-работники (6), учителя (11), преподаватели вузов и научные сотрудники (7), управляющий персонал (9), мелкие предприниматели (10), школьники (8), студенты (8) и общественные или политические активисты (разных социально-профессиональных профилей) (19). Количество респондентов, относящихся к каждому профилю, достаточно для сравнения групп между собой.

¹ РИА-Рейтинг: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения 23 мая 2018).

Таблица 1. Распределение доходов (по данным Росстата за 2017 год)

Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2017 год (предварительные данные)

	Распределение общего объема денежных доходов населения, в процентах по 20 процентным группам населения (1 — с наименьшими доходами, 5 — с наибольшими доходами)					Значение среднедушевого денежного дохода в группе, рублей в месяц					Источник: оценка на основании данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя денежных доходов населения.	
	1	2	3	4	5	Все население	1	2	3	4	5	
Российская Федерация	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8	31477	8462	15882	23740	35636	73667	0,410
Центральный федеральный округ: г. Москва	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	61358	15858	30191	45598	69173	145970	0,419
Северо-Западный федеральный округ: г. Санкт-Петербург	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	41128	11131	20841	31097	46594	95977	0,408
Южный федеральный округ: Астраханская область	6,3	11,1	15,9	22,9	43,8	22503	7022	12467	17906	25804	49316	0,373
Прикаспийский федеральный округ: Республика Татарстан	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2	32199	8938	16579	24573	36569	74335	0,402
Приуральский федеральный округ: Пермский край	5,4	10,2	15,2	22,7	46,5	28823	7848	14661	21841	32673	67091	0,407
Сибирский федеральный округ: Алтайский край	6,2	11,0	15,8	22,9	44,1	22239	6854	12227	17619	25478	49014	0,376

Хотя из-за меньшего количества интервью в остальных регионах проводить сравнение по группам было менее целесообразно, были тем не менее также отобраны респонденты с разными профилями. При наличии достаточного количества интервью можно было сравнивать одинаковые социально-профессиональные группы в Санкт-Петербурге и в других городах, чтобы таким образом подтвердить или опровергнуть выводы, сделанные на основании одного только петербургского поля.

Исследователи старались также соблюсти определенный баланс между мужчинами и женщинами, разными возрастными группами и людьми с разным уровнем образования. Однако самый важный вклад исследования в рассматриваемую тему состоит в том, что оно дает возможность выделить в отношении к нации некоторые особенности, характерные для отдельных социально-профессиональных групп. Выводы по этой части во многом противоречат стереотипам о шовинизме и провластном ура-патриотизме, будто бы свойственном социально ущемленным людям и/или работникам неинтеллектуальных профессий.